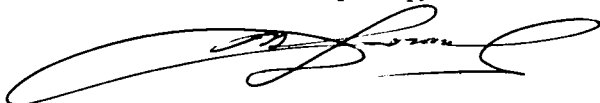

0- 791066

На правах рукописи

Кропачев Сергей Александрович

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МАСШТАБОВ И ФОРМ
РЕПРЕССИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ СССР
В 1937–1945 ГОДАХ**

**Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования**

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора исторических наук**

Майкоп

2011

**Работа выполнена в отделе истории Адыгейского республиканского
института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева**

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Жиромская Валентина Борисовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Багдасарян Вардан Эрнестович

доктор исторических наук, доцент
Василенко Виктория Валерьевна

доктор исторических наук, профессор
Хаустов Владимир Николаевич

Ведущая организация: **ФГАОУ ВПО «Южный Федеральный
Университет»**

Защита состоится 23 декабря 2011 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Адыгейский государственный университет» (ФГБОУ ВПО «АГУ») по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета.

Автореферат разослан «21» ноября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000688422

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Мальцев В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современная историографическая ситуация характеризуется значительным расширением направлений исследовательских поисков, обращением историков к ранее «закрытым» для изучения темам, введением в научный оборот новых комплексов источников. Формирование нового исторического знания тесно связано с общими тенденциями обновления в гуманитарных и социальных науках, вызывающими соответствующие теоретико-методологические новации в историографии, а также с политическими и духовными процессами в российском обществе, переживающем крайне непростой транзитивный период. В результате отказ от прежних стереотипов происходит достаточно непросто, сопровождается острыми дискуссиями сторонников различных взглядов, концепций, исторических школ, нередко приобретающими политизированный характер.

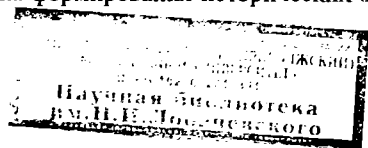
При этом наиболее острую полемику вызывает обращение к проблемам советской истории, к массовым политическим репрессиям и Великой Отечественной войне как ее ключевым событиям в особенности. Несмотря на все содержательное отличие данных исторических событий, общими у них являются катастрофические демографические последствия для дальнейшего развития страны, не преодоленные полностью до сих пор. Анализ масштабов и форм репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. позволяет выявить общие закономерности демографического развития России, осознать значение, оказанное теми или иными факторами. К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения проблемы, обуславливающий необходимость создания комплексного систематизированного труда по отечественной историографии масштабов и форм репрессий и демографических потерь советского общества в 1937–1945 гг.

Научная актуальность данного диссертационного исследования выражается в тех возможностях, которые предоставляет разработка рассматриваемой проблемы для понимания закономерностей и особенностей процесса

становления и развития отечественной историографии, отражения в ней наиболее «острых» вопросов советской истории. Систематизация и обобщение опыта изучения масштабов и форм репрессий и демографических потерь в 1937–1945 гг. позволит вывести на новый уровень конкретно-исторические исследования в данной области, определить их перспективы, усовершенствовать исследовательские методы.

К сожалению, крайности в оценках политических репрессий, Великой Отечественной войны и их демографических последствий, выступая основой для мифологизации советского прошлого, остаются одной из главных причин идейных разногласий не только в профессиональном сообществе, но и в массовом сознании россиян и жителей ряда других государств на постсоветском пространстве. Многочисленные конфликты интерпретаций, различные, порой противоположные версии и оценки советской истории не позволяют достичь общественного согласия как важного условия социально-политической стабилизации, без которого невозможно успешное и эффективное развитие страны. Поэтому представляется достаточно важным историографическое обобщение опыта изучения рассматриваемых событий как основы для выработки исторического компромисса, формирования новой национальной идентичности. В то же время без критического осмысления накопленного исследовательского опыта невозможно осознать и специфику современного положения исторической науки, ее социальной, интеллектуальной и духовной функций в обществе.

Степень научной разработанности. Вопросы формирования в советской и современной российской исторической науке представлений о людских потерях СССР в 1937–1945 гг. вплоть до настоящего времени не являлись предметом самостоятельного изучения. В то же время многие историографические аспекты изучения масштабов и форм репрессий и потерь советского общества в указанный период нашли отражение в целом ряде общих и специальных исследований. Специфика формирования исторических знаний

по теме исследования обусловила использование проблемного принципа характеристики ее историографии.

Анализ содержания использованных в диссертации историографических работ позволяет разделить их на несколько групп. Во-первых, это общие историографические труды, посвященные закономерностям и особенностям развития советской и современной российской исторической науки в целом. Во-вторых, обобщающие работы, содержащие комплексную характеристику изучения в ней истории советского общества и Великой Отечественной войны. В-третьих, специальные работы, посвященные различным аспектам историографии демографического развития СССР, массовых политических репрессий и потерь населения СССР в 1937–1945 гг.

Среди первой группы необходимо отметить ряд крупных трудов, обобщавших историю советской исторической науки в целом и итоги ее развития в отдельные периоды. К этой же группе примыкают историографические труды, обобщающие изучение вопросов отечественной истории и опыт развития советской военной историографии¹. Они содержат немало ценных сведений об организации исторической науки в СССР, доминировавших в ней принципах и подходах, а также главных направлениях исследований в области советской истории второй половины 1930–1940-х гг.

В то же время приводимые оценки в значительной степени складывались под воздействием идеологии. Как правило, в них исключительно позитивно оценивалось развитие советской историографии, не учитывались ее недостатки и проблемы, резкой критике подвергались «буржуазные фальсификации» достижений советских историков. Тем не менее указанные работы позволяют оценить саму атмосферу в науке соответствующего периода, степень зависимости перемен в историческом познании от изменений политического курса.

---

¹ Очерки советской военной историографии. М., 1974; Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Советский период. М., 1978; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5.

Существенный перелом в оценках наступил с конца 1980-х гг., когда в историографических исследованиях появились первые критические замечания в адрес советской исторической науки¹. В последующем произошла кардинальная переоценка ее достижений с изменением знака «плюс» на знак «минус». В данной связи в первую очередь необходимо отметить сборник статей «История и сталинизм», составленный А.Н. Мерцаловым. П.В. Волобуев, В.И. Дашичев, В.М. Кулиш, Н.Н. Маслов, Н.Г. Павленко, М.И. Семиряга и другие авторы подвергли резкой критике господствовавшие в науке сталинские концепции советской истории². При этом в первую очередь критиковалась разработка проблем истории 1930–1950-х гг. и Великой Отечественной войны, в наибольшей степени испытывавшая воздействие идеологии.

Еще более жесткая критика в адрес советской историографии и отражения в ней проблематики сталинизма прозвучала в коллективной работе под общей редакцией академика Ю.Н. Афанасьева. Рассуждая о роли исторической науки в условиях тоталитаризма, он писал, что «будучи репрессированной, она и сама стала мощным средством репрессий. Фальсифицируя историю, деформируя сознание, насаждая мифы, история наряду с сугубо репрессивными органами подавляла, уничтожала, принуждала»³. В данной работе подчеркивалось влияние «Краткого курса истории ВКП(б)» на формирование представлений о советском обществе, указывалось на необходимость исследования массовых политических репрессий, уточнения потерь СССР в годы Великой Отечественной войны.

Тенденции и особенности развития советской историографии переоцениваются и авторами других работ⁴. Переосмыслению с новых позиций подвергается и историографический опыт послесталинской эпохи. Так, А.Л. Сидорова показала влияние «оттепели» на развитие советской исторической науки. Отметив расширение источниковой базы и системы международных

¹ Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: история и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992 и др.

² История и сталинизм. М., 1991.

³ Советская историография. М., 1996. С. 9.

⁴ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996 и др.

связей, изменение других условий исследовательской деятельности, она раскрывала пределы «санкционированной свободы» историков данного периода, показав, что их возможности были весьма ограничены¹. Г.Д. Алексеева проанализировала противоречия в развитии советской историографии в 1960–1980-е гг.² Немало публикаций посвящено переменам в отечественной исторической науке двух последних десятилетий, существенно изменившим ее содержание и направления деятельности исследователей, осмыслению ее кризиса 1990-х гг., его причин и последствий³.

Выделенные в первую группу исследования позволяют представить общие тенденции развития советской и современной российской исторической науки, проявившиеся и в изучении основных форм и масштабов потерь СССР в 1937–1945 гг. Содержащиеся в них положения характеризуют влияние общественно-политической атмосферы на исследования рассматриваемой проблемы, научно-организационные и теоретико-методологические основы ее разработки, изменение возможностей историков в связи с переменами в стране.

Вторую группу составляют обобщающие историографические исследования. В советской историографии традиционно уделялось значительное внимание осмыслению вопросов развития советского общества во второй половине 1930-х – 1940-х гг. как периода, считавшегося временем становления социализма в СССР, а также деятельности коммунистической партии в эти годы. Поэтому данной теме был посвящен целый ряд специальных работ – коллективных монографий, сборников статей и отдельных публикаций⁴.

¹ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послевоенного десятилетия. М., 1997.

² Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М., 2003.

³ Данилов В.Н. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95–101; Алексеева Г.Д. Историческая наука России в поисках новых концепций // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. С. 635–642; Дьяков Ю.Л. О некоторых причинах кризиса исторической науки. Проблемы и перспективы их решения // Там же. С. 643–653; Козлов В. Российская история: обзор идей и концепций 1992–1995 годов // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 99–113; Поляков Ю.А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. С. 31–42; Современная российская историография. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2009 и др.

⁴ Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). М., 1964; Очерки по историографии советского общества. М., 1965; Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1973; Педан С.А. Партия и комсомол (1918–1945). Историографический очерк. М., 1979 и др.

Широкое отражение в историографии получила и разработка истории Великой Отечественной войны и ее отдельных проблем в советской литературе. Первые публикации на данную тему появились в середине 1950-х гг. – начале 1960-х гг.¹ Позже ей были посвящены соответствующий раздел в обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны², отдельные монографии, диссертации, статьи³ и сборники статей. Появление значительного пласта специальных историографических исследований способствовало обобщению и осмыслению опыта изучения военной темы, формированию целостной советской концепции истории Великой Отечественной войны, актуализации ее наиболее важных проблем.

При этом выходявшие в 1950–1980-е гг. историографические работы, посвященные развитию советского общества и Великой Отечественной войне, несли на себе все признаки своего времени. Историографический анализ в них опирался на господствовавшие в науке идеологические принципы, что отражалось как в определении ключевых исследовательских направлений, так и в оценивании достижений советской историографии в данной области.

Исследования последних лет содержат более критические оценки достижений советской и современной российской исторической науки по рассматриваемым вопросам. Среди них необходимо отметить совместную работу Дж. Кипа и А. Литвина, содержащую наиболее полный проблемный обзор

¹ Митрофанова А.В. К вопросу об изучении истории Великой Отечественной войны // Доклады и научные сообщения Института истории АН СССР. М., 1955. Вып. 8. С. 75–82; Куманев Г.А., Ставицкий И.В. Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1961. № 5. С. 158–175; Карасев А.В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. ст. М., 1962. С. 511–525 и др.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 403–450.

³ Жилин П.А., Куманев Г.А. Советская историческая литература о Великой Отечественной войне // Вестник Академии наук СССР. 1965. № 5. С. 21–26; Мutowкин Н.С., Селяничев А.К. Великая Отечественная война в советской историографии // Очерки по историографии советского общества. Сб. ст. М., 1967. С. 178–206; Митрофанова А.В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 9–53; Жилин П.А. Актуальные проблемы исследования Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 3–23; Анисков В.Г. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историографический очерк. М., 1979; Дунаева Н.П. Рабочий класс СССР периода Великой Отечественной войны в советской историографии. Дисс... канд. ист. наук. М., 1979; Историография Великой Отечественной войны. М., 1980; Евланова М.Н. Рабочий класс – фронту: историографический очерк. Челябинск, 1984; Партия и рабочий класс СССР в период Великой Отечественной войны: Вопросы историографии. Межузов. сб. Л., 1984; Великая Победа: К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Советская историография). М., 1985. Ч. 1–2; Великая Победа: Исторический пример героизма советского народа (Советская историография Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.). М., 1987. Ч. 3 и др.

современной российской и зарубежной историографии сталинизма. Отдельный раздел, написанный А. Литвиным, посвящен изучению проблемы террора в отечественной исторической науке¹. Рассматриваемые вопросы освещались и в ряде диссертационных исследований².

Серьезно переоценивают вклад советских историков в изучение военной темы В.М. Кулиш, А.Н. и Л.А. Мерцаловы, М.С. Плетушков, Я.С. Якушевский и другие авторы³. Напротив, на сохранении преемственности в историографической традиции настаивают М.А. Гареев, В.А. Золотарев⁴. Полярность в оценках выступает характерной чертой современного этапа в развитии историографии. В данном контексте представляет несомненный интерес разработка данной проблематики на материалах отдельных регионов, позволяющая осознать, как преломляются на данном уровне общие тенденции в развитии отечественной историографии⁵.

Обращение к работам обобщающего характера позволяет «вписать» осмысление рассматриваемой проблемы в более широкий историографический контекст, выявить ее место и значимость в историографии советского общества и Великой Отечественной войны как ключевых исследовательских направлений.

Первые специальные историографические работы, отражающие разработку отечественными исследователями проблем форм и масштаба людских потерь советского общества в результате массовых политических репрессий

¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 283–299.

² Наумов Н.В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.). Проблемы отечественной историографии. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2004; Казмина М.В. Отечественная историография второй половины 1980-х гг. – начала XXI века о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е годы. Дисс... д-ра ист. наук. Кемерово, 2006 и др.

³ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М., 1994; Плетушков М.С., Якушевский А.С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995. С. 7–40; Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. С. 214–315; Дружба О.В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000; Невежин В.А. Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4. С. 24–29 и др.

⁴ Гареев М.А. Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3–24; Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 4–11 и др.

⁵ Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004 и др.

и Великой Отечественной войны в советской историографии появились только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Их можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от содержания. Первую составляют историографические работы, посвященные изучению демографического развития страны в 1930–1940-е гг. Среди них выделяются публикации Н.А. Араловец, появившиеся в первой половине 1990-х гг. Она выявила различные подходы, сложившиеся в изучении потерь советского населения в 1930-е гг., сравнила используемые авторами методы и источники¹.

Вторая подгруппа включает историографические работы о формах и масштабах политических репрессий. В 1990 г. была опубликована статья Л.Н. Лопатина, ставшая первым опытом историографического осмысления репрессий в 1920–1930-х гг.² В современной российской исторической науке рассмотрение отдельных аспектов данной темы получило дальнейшее развитие. Наиболее крупными исследованиями историографии политических репрессий, вносящими значительный вклад в ее становление как самостоятельного направления в отечественной науке, стали докторская диссертация и публикации М.Г. Степанова³. Особенно значительной представляется заслуга автора в обобщении опыта исследований данной проблематики на материалах северных и восточных регионов страны. В меньшей степени представлены в указанных работах результаты исследований историков ряда других регионов, в частности юга России.

Ряд специальных работ посвящен отражению в историографии отдельных форм и масштаба политических репрессий второй половины 1930-х –

---

¹ Араловец Н.А. Основные направления в изучении потерь населения в 30-е гг. в отечественной историографии // Историческая демография. М., 1992; Её же. Потери населения советского общества в 1930-е гг.: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1 и др.

² Лопатин Л.Н. Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории репрессий 20-х – 30-х гг. // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Омск, 1990. С. 163–164.

³ Степанов М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008; Его же. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО» «РОСА», 2009; Его же. Репрессивная политика советского государства в 1928–1953 гг.: проблемы российской историографии. Дисс... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009 и др.

1950-х гг.¹. Одним из первых поставил и рассмотрел «большой террор» как историографическую проблему О.В. Хлевнюк. Он обоснованно связал начало ее научной разработки отечественными исследователями с «архивной революцией» 1990-х гг.² В.Э. Багдасарян выделил различные историографические модели описания «большого террора»: «самоистребления революционеров», «сталинской узурпации власти», «патологической личности», «обманутого вождя», «сталинского термидора», «модификации восточной деспотии», «антисталинской демократической альтернативы», «кадровой ротации», «охоты на ведьм», «идеологической эманации», «этатизации революции», «внешне-политической инверсии», «предвоенной чрезвычайщины», «еврейского погрома в партии», «цивилизационного отторжения». На основе их анализа автор сделал обоснованный вывод о том, что, несмотря на декларируемый «историографический плюрализм», проблематика «большого террора» очерчена «рамками идеологических табу». Следует согласиться с мнением В.Э. Багдасаряна: «Ряд реконструированных каузальных моделей тридцать седьмого года попросту игнорируется академической наукой»³.

М.И. Мельтюхов провел историографический анализ опубликованных к середине 1990-х гг. исследований репрессий в советских вооруженных силах. При этом он выделил две основные тенденции в развитии отечественной историографии данной проблемы. Одну из них он назвал «проармейской», так как в ней «довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус – элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются “самым страшным” преступлением органов». Другая тенденция, по его мнению, «имеет явно “антисталинскую” направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в

¹ См.: Кропачев С.А. Новейшая российская историография о масштабах «большого террора» в СССР // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 80–92.

² Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433.

³ Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: сб. ст. М., 2007. С. 206.

организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса»¹. Данной теме также посвящены специальные публикации А.В. Короленкова и других авторов².

Осмысление проблемы ГУЛАГа в современной историографии осуществлено Г. Ивановой, О. Климовой и другими авторами³. В 2001 г. была опубликована статья С.А. Красильникова, посвященная анализу феномена спецпереселенцев 1930-х гг. в новейшей исторической литературе. В частности, он обратил внимание на то, что историками «недооценен и поэтому не используется в должной мере такой массовый источник, как реабилитационные дела репрессированных крестьянских семей»⁴. Изучению российскими историками «трудовой армии» в годы Великой Отечественной войны посвящены статьи А.Н. Курочкина и Г.А. Гончарова⁵.

Появление значительного количества исследований о депортациях советских народов в 1990–2000-е гг. обусловило необходимость обобщения данного историографического опыта. Первой такой работой стала статья Н.Ф. Бугая, содержащая оценку состояния изученности проблемы к середине 1990-х гг. и определившая дальнейшие направления в ее разработке⁶. Значительный объем историографических источников по теме этнических репрессий обобщен в специальной монографии М.Г. Степанова⁷.

Значительное внимание в современной историографии уделяется анализу депортаций народов Северного Кавказа, что находит свое отражение в появлении соответствующих обзоров. Указанная проблема стала предметом

¹ Мельтихов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 118.

² Короленков А.В. Еще раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. Багдасарян В.Э. Заговор в РККА: историографический дискурс о «Деле М.Н. Тухачевского» // Историография сталинизма. С. 207–226.

³ Климова О. ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // Ab imperio. 2005. № 3; Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006 и др.

⁴ Красильников С.А. Спецпереселенцы 1930-х гг. в новейшей отечественной историографии // Маргиналы в советском обществе 1920–1930-х годов: историография, источники. Новосибирск, 2001. С. 83.

⁵ Курочкин А.Н. «Трудармия»: историография и источники // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. Алапа, 4–9 сентября 1996 г. М., 1997; Гончаров Г.А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорные. Вып. 7. М., 2001. С. 154–162.

⁶ Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР – новое направление историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.

⁷ Степанов М.Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010.

изучения А.Д. Койчуева, Е.Ф. Кринко, А.С. Хунагова и других авторов¹, а в 2001 г. С.С. Цуцулаева защитила по ней кандидатскую диссертацию². Специальные историографические работы посвящены осмыслению масштабов трагедий отдельных народов. Так, обзор историографии репрессий в отношении немцев содержится в публикациях Т. Черновой³, а формирование историографии депортации карачаевцев рассмотрели М.Н. Кубанова и И.К. Семенов⁴.

Следующую подгруппу составляют работы, посвященные историографии потерь СССР в годы Великой Отечественной войны. Одним из ведущих исследователей данной проблемы является В.А. Исупов⁵. Разработка отечественной историографии масштабов и форм холокоста на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны стала заслугой И.А. Альтмана⁶.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в историографии осмыслены многие аспекты изучения отечественными авторами масштабов и

¹ Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4; Хунагов А.С. Историография проблемы переселения народов Краснодарского края и Ставрополя // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Койчуев А.Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54; Кринко Е.Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая и Великая Отечественная войны: актуальные проблемы социальной истории: Материалы Международ. науч. конф., 28–31 мая 2002 года. Майкоп, 2002; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История народов Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 182–202 и др.

² Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2001.

³ Чернова Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессия против немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 261–279; Ее же. Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: материалы Международ. науч.-практ. конф. Оренбург, 2000. С. 45–60.

⁴ Кубанова М.Н. Проблемы депортаций на страницах академических исторических журналов // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республ. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003. С. 53–58; Семенов И.К. Отечественная историография о причинах депортации карачаевского народа // Там же. С. 92–97.

⁵ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Людские потери РККА (1941–1945) и историческая наука СССР – РФ // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 10. С. 27–44. Вып. 11. С. 14–37; Исупов В.А. Потери населения Советского Союза в Великой Отечественной войне: историография проблемы // Итоги и уроки Великой Победы над фашистской Германией. Международ. науч.-практ. конф. Семипалатинск, 2005. С. 12–15; Кропачев С.А. Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2006. № 7. С. 23–50 и др.

⁶ Альтман И.А. Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост – Сопротивление – Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М., 2000. С. 297–323 и др.

форм потерь советского общества в 1937–1945 гг. В то же время отдельные вопросы рассматриваемой проблемы пока еще не получили соответствующего осмысления, о других можно встретить лишь краткие упоминания в трудах общего характера. В целом, отсутствие специальных работ, посвященных отражению в отечественной историографии форм и масштабов репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг., не позволяет дать ему соответствующей оценки как сложной и актуальной научной проблеме.

Особенно важным представляется ее восприятие в контексте развития современной историографической ситуации, отличающейся динамизмом и противоречивостью, с присущей ей выработкой новых форм презентации исторических знаний, пока еще не получивших соответствующего осмысления. Данное диссертационное исследование призвано восполнить указанный пробел в современной историографии. Комплексный характер исследования не только позволяет ввести в научный оборот широкий круг историографических источников, но и создает теоретико-методологическую основу для дальнейшего изучения таких сложных и актуальных тем, как история Великой Отечественной войны, политические репрессии в СССР, демографические проблемы страны в первой половине XX в.

Объектом настоящего исследования являются демографические проблемы развития СССР, масштабы и формы репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. и отражение данных событий в советской и современной российской историографии. В качестве примеров советской историографии рассматриваются работы отечественных историков, вышедшие в разных союзных республиках СССР с конца 1930-х гг. до начала 1990-х гг., выполненные на основе общей марксистской методологии, несмотря на имевшиеся различия между взглядами их авторов. В то же время в диссертации рассматриваются и отдельные положения работ диссидентских, эмигрантских и зарубежных авторов, сыгравшие существенную роль в формировании оценок и подходов отечественных исследователей.

Предметом исследования являются сложившиеся оценки масштабов и форм потерь советского населения в 1937–1945 гг. вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны, эволюция концептуальных подходов, используемые историками массивы исторических источников, методы и обобщения полученных результатов, а также способы исчисления демографических последствий данных событий.

Целью диссертации является выявление основных тенденций и закономерностей в развитии советской и современной историографии демографических последствий Великой Отечественной войны и массовых политических репрессий 1937–1945 гг.

Реализация указанной цели обусловила следующие исследовательские задачи:

- проанализировать концептуально-методологические основы и научно-организационные формы изучения потерь от массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны;
- выделить и охарактеризовать основные этапы в развитии отечественной историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг.;
- раскрыть эволюцию общих оценок масштаба и форм сталинских репрессий в советской и современной российской исторической науке;
- показать осмысление отечественными историками феномена «большого террора», проблем численности заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев;
- охарактеризовать осмысление причин, характера и последствий этнических депортаций советскими и современными российскими исследователями;
- показать особенности изучения масштаба депортаций предвоенного и военного времени, их итогов и значения в отечественной историографии;
- определить научные результаты в исследовании различных видов потерь в годы Великой Отечественной войны;

– исследовать специфику изучения в отечественной историографии демографических последствий фашистской оккупации, трагедии советских военнопленных в 1941–1945 гг.

Хронологические рамки самого диссертационного исследования охватывают период с появления первых публикаций советских авторов, обосновавших необходимость проведения и масштабы «большого террора», по настоящее время, т.е. со второй половины 1930-х гг. до 2010-х гг. Столь широкий временной период позволяет наиболее полно проследить развитие историографии проблемы масштаба и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 гг.

В содержательном отношении анализируемые работы и историографические источники ограничены периодом 1937–1945 гг. Значительная часть современных исследователей рассматривает 1937 год как время начала массовых политических репрессий в СССР. Завершающей датой выступает 1945 год – время окончания Великой Отечественной войны.

Географические рамки рассматриваемых исторических исследований о потерях советского населения локализованы в соответствующих государственных границах СССР с учетом их изменений в 1937–1945 гг.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности, историзма и системный подход к рассматриваемым историографическим фактам и явлениям. Их применение позволяет рассмотреть формирование историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг. в ее генезисе, конкретно-исторической обусловленности, оценить уровень разработанности отдельных сюжетов и направлений, отобрать наиболее значимые для понимания сути проблемы положения с учетом современного уровня научного знания. Выработка конкретных оценок форм и масштабов потерь советского населения вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны рассматривается с учетом определенной общественно-политической атмосферы, имевшихся у исследователей возможностей, находившихся в их распоряжении источников. Объективное выявление всех фак-

торов формирования историографии проблемы позволяет создать целостную картину представлений о развитии советской и современной российской историографии предвоенной и военной истории СССР.

Данные методологические принципы реализуются при помощи ряда конкретных методов историографического исследования, каждый из которых позволяет решить определенные задачи. Использование проблемно-хронологического метода способствует расчленению данной темы на ряд более узких проблем, разработка каждой из которых рассматривается в хронологической последовательности. Метод периодизации позволяет выделить этапы в развитии историографии, отличающиеся в содержательном отношении друг от друга. Историко-сравнительный метод позволил провести сравнение достигнутых результатов в пределах каждого из выделенных этапов в разработке проблемы, выявить общие и особенные черты отдельных подходов в исчислении потерь в СССР в 1937–1945 гг. Типологический метод способствует выявлению основных тенденций в политической, идеологической системах и их влияний на историческую науку. Генетический метод позволяет выявить формирование новых идей, концепций предвоенной и военной истории, проследить изменения взглядов тех или иных авторов и выявить причины, повлиявшие на эти перемены. Метод логического анализа обуславливает изучение историографических фактов с учетом условий их возникновения и взаимовлияния, взаимосвязи теоретического и фактического материала, поиска конкретных причин, породивших определенные историографические явления.

Источниковая база работы вследствие ее характера и направленности включает источники разных типов. Ее основу составили различные историографические источники: коллективные труды, монографии, научные статьи, доклады и сообщения, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы конференций, справочная и энциклопедическая литература, в которой нашли отражение потери СССР в 1937–1945 гг. Как отмечает Э.А. Шеуджен, труды историков – самые многочисленные историографические источники – одно-

временно являются главными историографическими фактами¹. По своему характеру использованные историографические источники представляют научную, научно-популярную, мемуарную, биографическую, краеведческую и справочную литературу.

В содержательном и видовом отношении все историографические источники можно разделить на несколько видов. Во-первых, это общие коллективные фундаментальные труды по истории советского общества, населения России в XX в., Второй мировой и Великой Отечественной войн. Созданию подобных трудов традиционно придавалось самое серьезное значение в отечественной исторической науке, для их подготовки формировались крупные авторские коллективы, они вбирали в себя основные достижения и недостатки современной им историографии, определяли ключевые принципы разработки рассматриваемой проблемы. Именно это обстоятельство и предопределило необходимость обращения к ним как к источникам настоящего исследования. В то же время цели указанных работ не позволяли осуществлять в их рамках детальный анализ конкретных форм и масштабов потерь советского населения в 1937–1945 гг. К данной группе также примыкают обобщающие труды по истории отдельных регионов и другим проблемам. Всего в данном исследовании использовано 23 обобщающих коллективных труда.

Во-вторых, это монографические исследования по рассматриваемой проблеме, характеристике которых уделяется наиболее значительное место в диссертации. Именно научная монография представляет для профессионального исследователя наиболее полные возможности озвучить свою позицию по тем или иным вопросам, представить ее в развернутом виде. В диссертации анализируются более 200 монографий, в которых нашли отражение проблемы потерь советского населения в 1937–1945 гг.

В то же время издать монографию удастся не всем исследователям, поэтому важную роль в качестве историографического источника играют кандидатские и докторские диссертации. Они позволяют судить не только о сте-

---

¹ Шейджен Э.А. Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. С. 11.

пени изученности той или иной проблемы, но и о возникновении новых направлений в ее исследовании, их значение заключается в постановке методологических, источниковедческих, методических и иных вопросов, редко затрагиваемых в другой литературе. В работе рассматриваются 90 диссертаций и авторефератов диссертаций, в которых приводятся сведения о потерях советского населения вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны.

Более компактную и оперативную форму исторического исследования представляет научная статья: исследователь при ее написании ограничен объемом публикации, зато может быстрее высказать новые положения, впоследствии нередко получающие дальнейшее развитие в монографии или коллективном труде, в сжатом виде представив аргументацию собственной позиции. В диссертации рассматривается 156 отдельных статей, а также 51 специальный сборник статей, раскрывающих различные аспекты данной темы.

Специфическим видом историографических источников являются материалы научных конференций, фиксирующие обсуждение наиболее значимых, приоритетных направлений исторических исследований, позволяющие выявить дискуссионные вопросы темы. В настоящем диссертационном исследовании анализируются материалы 45 конференций различного уровня, на которых рассматривались различные аспекты потерь советского населения вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны.

К числу других историографических источников диссертации следует отнести обзоры литературы, рецензии, а также научно-популярные работы, брошюры, очерки, справочные и энциклопедические издания. В ряде из них приводятся данные, не получившие соответствующего освещения в других работах. Это и обусловило обращение к данным источникам, не все из которых относятся к числу профессиональных исследований. Например, сведения о потерях в конкретных населенных пунктах представлены в ряде краеведческих очерков. Самостоятельную историографическую ценность представля-

ют и некоторые рецензии, отражающие не только оценку значимости профессиональным сообществом тех или иных исторических трудов по рассматриваемой проблематике, но и характер сложившихся о ней представлений в исторической науке.

Наряду с собственно историографическими источниками в работе использовались и исторические источники. Среди них 94 опубликованных сборника документов¹, материалы всесоюзных переписей населения СССР 1937, 1939 и 1959 гг.², другие статистические источники. К данной группе источников примыкают и публикации мемуаров бывших заключенных, спецпереселенцев, военнопленных, восточных рабочих, узников фашистских концлагерей и других советских граждан. Всего в работе использовалось 17 публикаций мемуаров. Использование в историографическом исследовании исторических источников было обосновано, во-первых, тем, что они сыграли существенную роль в выработке представлений о демографических потерях СССР. Нередко сами факты публикаций рассекреченных документов и мемуаров, обнаружение новых данных о количестве и формах потерь советского населения в 1937–1945 гг. имели существенное значение для развития историографии проблемы. Во-вторых, указанные источники позволили обосновать и аргументировать собственную авторскую позицию в отношении масштабов и форм потерь советского населения вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны, определить структуру органов, осуществлявших репрессии и ведших подсчет их жертв. В целом это способствовало осмыслению теоретико-методологических и научно-организационных аспектов рассматриваемой проблемы.

---

¹ Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991; Скрытая правда войны: 1941 год. Известные документы. М., 1992; Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сб. документов в 7 т. М., 2004–2005; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005 и др.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. В 17 т. М., 1962–1963; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. М., 1999.

Существенную роль в обосновании массовых политических репрессий сыграли И.В. Сталин, Н.И. Ежов, А.Я. Вышинский, Л.П. Берия, В.М. Молотов, Л.М. Каганович и другие советские руководители. Поэтому в диссертации в качестве источника использовались их работы, определявшие проведение соответствующего официального курса. В частности, в речах и статьях советских лидеров в 1937–1938 гг. отмечалось нарастание классовой борьбы, подъем сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и необходимость его жестокого подавления¹. Особый историографический интерес представляет доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС в 1956 г. как первый опыт критики сталинских репрессий в СССР, существенно повлиявший на дальнейшее развитие отечественной историографии².

Особенно важную роль в установлении масштабов потерь в годы Великой Отечественной войны и количества жертв политических репрессий в отдельных регионах России сыграла подготовка книг Памяти. Широко использовались при подготовке диссертации и электронные ресурсы, включая материалы 15 специализированных сайтов и электронных баз данных, содержащих сведения о потерях в результате массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны.

В ходе работы над диссертацией также были изучены материалы ведущих советских периодических изданий предвоенного и военного времени, в которых обосновывалось проведение государственного террора, освещались ход и результаты публичных политических процессов 1937–1938 гг., а затем ход и итоги боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Это орган Центрального комитета и Московского комитета ВКП(б) газета «Прав-

---

¹ Вышинский А.Я. Методы вредительно-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков // Большевик. 1937. № 10. С. 18–30; Его же. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. М., 1937; Его же. Судебные речи. М., 1938; Ежов Н.И. Выступление перед избирателями Горьковского-Ленинского избирательного округа в г. Горьком // Правда. 1937. 11 декабря; Молотов В.М. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов // Большевик. 1937. № 8. С. 12–45; Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 4-е. М., 1944; Его же. Соч. Т. 14. Март 1934–1940. Т. 16. 1946–1952. М., 1997 и др.

² Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

да», «Известия Советов депутатов трудящихся», политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б) «Большевик». Указанные печатные издания являлись основными идеологическими органами большевистской партии. Опубликованные в них редакционные статьи и другие материалы отражали официальную позицию советского руководства, играли доминирующую роль в проведении пропагандистских мероприятий, часто служили отправными точками в развязывании идеологических кампаний, в том числе по «разоблачению» тех или иных «врагов народа».

Дополнительным видом источников настоящего диссертационного исследования являлись художественные и художественно-документальные произведения. Среди них прежде всего необходимо выделить «Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956» А.И. Солженицына¹, сыгравший значительную роль в формировании представлений о масштабах политических репрессий в СССР. Привлекались также роман В. Семина «Нагрудный знак “Ost”», обращавший внимание читателей на замалчивавшиеся в советской историографии судьбы «восточных рабочих», романы «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и «Бабий яр» А. Кузнецова, а также одноименное стихотворение Е. Евтушенко как произведения, содержавшие один из первых опытов осмысления проблем холокоста и антисемитизма в СССР в годы Великой Отечественной войны, давшие своеобразный импульс к развитию профессиональной историографии рассматриваемой проблемы.

Общее количество историографических и исторических источников настоящей работы составляет 807 наименований, включая, в том числе, 572 обобщающих труда, монографии, диссертации, опубликованные статьи, сборника и других исследований общего и конкретно-исторического характера, 87 справочных изданий и другие источники. Использование различных исторических и историографических источников позволило раскрыть по-

---

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: в 3 кн.: Опыт художественного исследования // Собр. соч. В 9 т. М., 1999–2000. Т. 4–6.

ставленные в работе исследовательские задачи, проследив динамику оценок потерь СССР в 1937–1945 гг. в отечественной науке.

Основные положения, выносимые на защиту, заключаются в следующем:

1. Важнейшими факторами, определяющими становление и развитие отечественной историографии масштаба и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 гг., выступают концептуализация и институционализация исторических знаний, расширение самого круга изучаемых проблем, совершенствование исследовательской методологии и используемой терминологии, развитие источниковой базы, изменение общественно-политической атмосферы.

2. Анализ динамики представлений о масштабах и формах потерь в 1937–1945 гг. на основе учета указанных факторов позволил предложить авторскую периодизацию историографии рассматриваемой проблемы. В ее развитии выделяется два основных этапа. Первый этап, получивший условное наименование советской историографии, в свою очередь, разделяется на три периода: 1) вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг. – доминирование сталинистских оценок; 2) вторая половина 1950-х – середина 1960-х гг. – критика сталинизма в период «оттепели»; 3) вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг. – возвращение к политике «умолчания» о репрессиях и потерях. Второй этап – постсоветская или современная российская историография – разделяется на два периода: 1) вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – начало формирования новых подходов в условиях «перестройки»; 2) с начала 1990-х гг. по настоящее время – становление на их основе новой системы исторических знаний по проблеме.

3. На протяжении всего своего формирования историография масштабов и форм репрессий и потерь СССР в 1937–1945 гг. испытывала значительное воздействие идеологии и политики, которые по-разному проявлялись на различных этапах ее развития. Если в советский период она служила оправданием существования социалистического строя, то в последующие десятилетия

стала рассматриваться в качестве неопровержимого свидетельства в пользу его демонтажа. В современной историографии цифры демографических потерь советского общества нередко продолжают использоваться в качестве аргументов в спорах о природе сталинизма, советского строя и характере Великой Отечественной войны. В этих условиях разработка проблемы приобретает дополнительный эмоциональный накал, становится действенным фактором общественного развития.

4. Характерной чертой современной историографической ситуации выступает появление наряду с официальными оценками альтернативных подходов, авторами которых зачастую выступают непрофессиональные историки. В условиях становления нового историографического формата, где наряду с традиционными акторами действуют общественные организации и принципиально новые формы организации исторического знания, происходят существенные изменения и в самой структуре изучения рассматриваемой проблемы. Если ранее исследователи ориентировались на количественные параметры выявляемых потерь, то сегодня они все более тяготеют к их качественным оценкам.

5. Появление новых форм представления исторических знаний в виде электронных баз данных и специализированных сайтов, работающих в режиме on-line, позволяет исследователям более оперативно реагировать на изменения исследовательской ситуации, принимать непосредственное участие в формировании историографии проблемы.

6. Историография масштабов и форм сталинских репрессий существенно эволюционировала от первых работ пропагандистского характера к фундаментальным академическим трудам, учитывающим влияние различных факторов в демографическом развитии страны. Формирование новой исследовательской парадигмы в изучении проблемы тесно связано с процессами рассекретивания и публикации архивных документов. Вместе с тем характерной тенденцией последнего десятилетия становится активная реабилитация устных свидетельств жертв репрессивных кампаний. Введение в исследователь-

ский оборот нового пласта памяти создает ситуацию историографического напряжения между двумя полюсами источников, что придает исследуемой проблемы дополнительный источник ее дальнейшего развития.

7. Активная разработка проблем масштаба «большого террора», численности ГУЛАГа и спецпоселений отражала глубокую потребность современного общества в самопознании, поиске ответов на самые «болезненные» вопросы своего прошлого, что способствовало институционализации данных направлений исследовательского поиска. В то же время наиболее широкое распространение получали публиковавшиеся в средствах массовой информации цифры репрессированных советских граждан, не опиравшиеся на глубокий научный анализ, в то время как оценки историков редко выходили за пределы сравнительно узкого круга профессиональных исследователей.

8. В контексте изучения проблематики этнических переселений наиболее активно дискутировался вопрос об их причинах, а также общем числе депортационных кампаний и операций. Напротив, численность самих депортированных народов и национальных групп не вызывает столь значительных разногласий у исследователей, опирающихся на общую источниковую базу.

9. Позитивное значение для дальнейшей разработки рассматриваемой проблемы имеет выявление структуры и определение видов потерь в годы Великой Отечественной войны, уточнение масштаба потерь как среди советских военнослужащих, включая ранее незаслуженно «забытых» в официальной историографии военнопленных, так и среди гражданского населения СССР в тылу и на оккупированной территории, а также «восточных рабочих». В ряду активно изучаемых проблем современной российской историографии находится и исследование холокоста.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым специальным историографическим исследованием, в котором в комплексе анализируется изучение советскими и современными российскими исследователями масштабов и форм потерь советского общества в 1937–

1945 гг. Полученные результаты, определяющие личный вклад диссертанта в разработку данной проблемы, сводятся к следующему:

- впервые в отечественной историографии проанализированы взгляды и концепции советских и современных российских исследователей по проблемам демографических последствий драматических событий истории России в XX в. в тесной взаимосвязи с изучением развития институциональных форм исторического знаний;

- предложена и обоснована авторская периодизация историографии потерь, понесенных советским обществом в результате Великой Отечественной войны и массовых политических репрессий в 1937–1945 гг.;

- выявлен круг наиболее разработанных вопросов рассматриваемой проблемы, определено ее место в системе современного исторического знания как одного из ведущих исследовательских направлений, объяснены тенденции сложившейся историографической ситуации, введен в научный оборот ряд малоизвестных историографических источников;

- определены тенденции активизации представления исторических знаний по рассматриваемой проблеме в их новых институциональных формах, сопоставлены результаты исследований демографических потерь СССР в 1937–1945 гг. в различных профессиональных и непрофессиональных исследовательских структурах;

- с учетом достигнутого уровня развития исторической науки исследуется и оценивается разработка в отечественной историографии форм, видов и масштабов потерь, понесенных вследствие «большого террора», функционирования системы ГУЛАГа и спецпоселений, этнических депортаций;

- охарактеризованы различные подходы советских и современных российских исследователей к осмыслению цены Победы в Великой Отечественной войне, определению видов потерь среди военнослужащих и мирного населения;

- выявлена взаимосвязь между уровнем разработанности проблемы, состоянием ее источниковой базы, общественно-политической атмосферы и

другими факторами, определяющими возможности изучения форм и масштабов потерь вследствие массовых репрессий и Великой Отечественной войны;

– предложен авторский подход к пониманию различных аспектов демографических потерь в 1937–1945 гг., осмыслены основные достижения отечественной историографии в изучении рассматриваемой проблемы, определены наиболее перспективные направления ее дальнейших исследований.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее положения и выводы могут быть использованы в деятельности по увековечиванию памяти об участниках Великой Отечественной войны и жертвах политических репрессий, подготовке и издании книг Памяти, разработке учебных курсов по отечественной истории в высших и средних специальных учебных заведениях, в практике музейной и воспитательной работы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены автором в докладах и сообщениях на 7 международных, 5 всероссийских и 3 региональных научных конференциях и симпозиумах в Париже, Ереване, Сыктывкаре, Ростове-на-Дону, Краснодаре и других городах. Они также нашли отражение в 43 научных публикациях автора общим объемом более 100 п. л., в том числе в 4 монографиях и сборниках статей, 10 статьях в периодических изданиях, рекомендуемых ВАК РФ для публикаций результатов диссертационных исследований. Работа обсуждена и рекомендована к защите отделом истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований.

Положения диссертации получили апробацию в учебном курсе истории Отечества, а также в ряде специальных курсов, прочитанных автором в 1981–2007 гг. на факультете истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, нашли отражение в ряде учебников и учебных пособий по истории Краснодарского края.

В ходе подготовки диссертации ее главные выводы и основные положения использовались в практической и научно-просветительской работе Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал», в частности, при под-

готовке и издании «Книг памяти» Краснодарского и Ставропольского краев. В 2005 г. Краснодарское краевое общество «Мемориал» стало победителем конкурса грантов администрации Краснодарского края для поддержки общественно полезных программ общественных объединений за проект «Трагические судьбы – возвращенные имена», что позволило создать Единую электронную базу данных на репрессированных и реабилитированных кубанцев (в настоящее время насчитывает около 40 тыс. имен). Был также создан сайт www.kubanmemo.ru, система поиска которого создает возможность заинтересованным пользователям самостоятельно найти интересующие их сведения о репрессированных гражданах. Подготовлен и направлен заинтересованным организациям компакт-диск, являющийся статичным аналогом указанного сайта.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, двенадцати параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы, определяются степень ее научной разработанности, цели и задачи, объект и предмет исследования, хронологические и географические рамки, характеризуется источниковая база работы, ее научная новизна, методологическая основа, практическая значимость, приводятся сведения об апробации результатов диссертационного исследования.

Первая глава **«Теоретико-методологические проблемы и научно-организационные формы изучения демографических потерь эпохи сталинизма»** посвящена общей характеристике развития отечественной историографии проблемы. В ней также ставятся и разрешаются теоретические, методологические и институциональные вопросы разработки темы репрессий и потерь в СССР в 1937–1945 гг. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Концептуальные основы изучения политических репрессий и людских потерь в СССР в 1937–1945 гг.: основные подходы и используемые понятия» выделяются и раскрываются основные методы решения указанных проблем, их отличительные особенности.

Традиционный конкретно-исторический подход заключается в выявлении количества потерь в тех или иных демографических кризисах и катастрофах при помощи комплексов различных исторических документов, подвергаемых источниковедческой критике. Главным аргументом при определении масштаба людских потерь в этом случае выступает их отражение в тех или иных документальных свидетельствах, которые рассматриваются в качестве относительно достоверных источников исторических знаний. Поскольку в качестве таковых в основном рассматриваются учетные документы, содержащие статистические сведения (документы органов НКВД – НКГБ – МВД – МГБ СССР, донесения о потерях личного состава Вооруженных сил СССР, акты ЧГК СССР и др.), данный метод часто называют учетно-статистическим. Однако имеющаяся в настоящее время в распоряжении исследователей источниковая база проблемы представляется чрезвычайно неполной, что в значительной степени ограничивает их возможности. Сами методы исчисления людских потерь также нельзя считать окончательно разработанными.

Именно поэтому возник второй, историко-демографический подход, учитывающий демографические факторы и показатели (прямые и косвенные) и основанный на сравнении между собой данных статистики. Его называют балансовым или методом демографического баланса, поскольку основные вычисления основаны на сопоставлении численности и возрастной структуры населения СССР в начале и конце рассматриваемых периодов. Однако и он не лишен определенных недостатков: дискуссию вызывает и сама методика проведения демографических подсчетов, и используемые для них исходные данные.

Значительные разногласия существуют между исследователями и в понимании терминологии, применяемой в осмыслении проблемы массовых политических репрессий. Это обусловило целесообразность специального анализа используемого терминологического аппарата и его содержательного наполнения, а также рассмотрения самого механизма осуществления массовых политических репрессий. При этом рассматриваются как общие понятия (террор, его виды и типы, политические репрессии), так и конкретно-исторические – «большой террор», «ежовщина», «тройки», «каналоармейцы», «враги народа», «лишенцы», «осадники», ссылка, высылка, изгнание, спецпоселение, депортация, «трудовая армия», «остовцы», холокост, реабилитация и другие термины. Выделяются и раскрываются также основные виды потерь в годы Великой Отечественной войны: безвозвратные (боевые и небоевые) и санитарные.

Проведенный анализ позволил утверждать, что существующая методология исследований форм и масштабов репрессий нуждается в обновлении и совершенствовании. Для получения более полной и достоверной системы данных требует совместная кропотливая работа представителей различных специальностей, объединение усилий историков, архивистов и демографов.

Во втором параграфе **«Научно-организационные аспекты изучения демографических катастроф 1937–1945 гг. и новые формы представления исторических знаний по данной проблеме»** рассматриваются институциональные аспекты рассматриваемой проблемы. Проблемы определения потерь населения СССР вследствие массовых политических репрессий и Великой Отечественной войны лежат в сфере исследовательских интересов представителей различных научных дисциплин, как историков, так и демографов. Однако становление исторической демографии в СССР в целом, а изучение людских потерь в 1937–1945 гг. в особенности происходило крайне не просто. Советские руководители не были заинтересованы в появлении объективных исследований о демографической ситуации в стране в рассмат-

риваемый период. Поэтому с середины 1930-х гг. сворачивались даже проводившиеся исследования.

Только после XX съезда улучшились условия для организации исторических исследований по истории советского общества в рассматриваемый период и Великой Отечественной войны. Указанные тенденции продолжились и по завершении «оттепели», способствовавшей более активной разработке вопросов развития народонаселения СССР. Особенно значительные изменения в ее изучении произошли в годы «перестройки» и в последние десятилетия.

В настоящее время проблемы демографических потерь советского населения в 1937–1945 гг. привлекают внимание многих специалистов традиционных академических центров, ведущих вузов страны, других научно-исследовательских структур. Одной из устоявшихся форм обмена научной информацией и становления нового исторического знания остается проведение научных конференций. Обращает на себя внимание региональное распределение в проведении научных форумов, посвященных массовым политическим репрессиям в СССР (как правило, это места массового отбывания наказания (Сибирь, Север) или проживания депортированных народов (Северный Кавказ, Калмыкия)). Одним из немногих исключений выступает Краснодар, где в 2002–2009 гг. состоялось шесть конференций под общим названием «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» по инициативе Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал». Конференции, посвященные истории Великой Отечественной войны, проводятся значительно чаще, особенно в годы празднования очередных юбилеев Победы. Но проблемы потерь советского населения в 1941–1945 гг. не часто выступают в качестве самостоятельных исследовательских направлений на этих научных форумах.

Характерной особенностью современной историографической ситуации является активное участие в выработке представлений о масштабе репрессий и потерь советского населения в 1936–1945 гг. различных общественных

объединений. В диссертации рассматривается научно-просветительская деятельность в данном направлении Международного добровольного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» и московского Научно-просветительского Центра «Мемориал», Фонда и архива Сахарова, музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» имени Андрея Сахарова, научно-просветительного центра «Холокост», Фонда содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», поисковых организаций.

Развитие технических средств в последние годы привело к появлению новых форм презентации исторических знаний о массовых потерях советского населения в 1937–1945 гг. Электронные ресурсы в настоящее время приобретают все более высокую значимость в качестве источника исторической информации, а виртуальное пространство предоставляет совершенно новые возможности для обобщения и представления данных о репрессиях и потерях советского населения в 1937–1945 гг. Особенно следует отметить создание Министерством обороны Российской Федерации Обобщенного компьютерного банка данных, содержащего информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период. По инициативе общественных организаций в 2000–2010 гг. была создана единая база данных жертв политических репрессий из материалов региональных книг памяти, в том числе тех, которые только подготовлены к изданию.

Третий параграф носит название **«Проблемы периодизации историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг. и общая характеристика ее основных этапов»**. Разработка периодизации отражает потребность исследователей в систематизации накопленных знаний. Анализ существующих историографических источников и учет уже имеющегося опыта позволили предложить в работе авторскую периодизацию историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг. В ней выделяются два основных этапа, получивших условные наименования советской и современной российской

историографии. В свою очередь, первый этап разделяется на три, а второй – на два периода.

Первый период в развитии советской историографии неразрывно связан с господствовавшей в стране марксистско-ленинской идеологией и прежде всего с той ролью, которую играл в это время И.В. Сталин. Именно сталинские оценки и выводы о масштабах «врагов народа» и необходимости их уничтожения, потерях в годы Великой Отечественной войны на долгие годы определили основные векторы советской историографии. Проблемы структуры потерь, масштабы депортаций, репрессий, жертв ГУЛАГа не ставились и тем более не решались в советской историографии данного периода.

Второй период в развитии историографии проблемы начинается в условиях «оттепели». Н.С. Хрущев использовал острую критику деятельности «вождя народов» как средство для достижения и удержания власти. В своем докладе на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» он возложил на Сталина прямую ответственность за произвол и репрессии второй половины 1930-х гг., за неподготовленность страны к войне. Но и Хрущев не назвал истинные масштабы жертв государственного террора в 1937–1938 гг. и потерь в период Великой Отечественной войны. Тем не менее произошедшие перемены изменили саму атмосферу в обществе. Возможность хотя бы дозированно говорить о «закрытых» темах способствовала прорыву в науке, литературе и публицистике, появлению новых исторических сюжетов, расширению источниковой базы исследований.

С окончанием «оттепели» постепенно прекратилась публикация критических материалов, события предвоенного и военного времени подверглись героизации и мифологизации, что означало наступление третьего периода в советской историографии проблемы. Победа в Великой Отечественной войне считалась важнейшим объединяющим началом советского общества, поэтому вопрос ее цены не получил в эти годы соответствующей разработки. Другой взгляд на проблему реализовывался в самиздате, а также в работах эмигрантов, которые нередко приводили завышенные цифры советских заклю-

ченных вследствие крайней ограниченности доступных исследователям источников. Свою роль играло и политико-идеологическое противостояние СССР и стран Запада в годы «холодной войны».

Новый этап в развитии отечественной историографии проблемы начался со второй половины 1980-х гг. Его первый период продолжался сравнительно недолго, но был очень важен для дальнейшего изучения предвоенной и военной истории. Это было время острых дискуссий, в ходе которых обращение к советскому опыту, прежде всего к «большому террору» и жертвам войны, активно использовалось противниками в качестве аргументов при доказательстве виновности или невиновности коммунистического режима в масштабных преступлениях против народа. Приводившиеся публицистами данные о миллионах расстрелянных, осужденных и заключенных вызвали значительно больший общественный интерес, чем более «скромные» оценки государственного террора историков. Они хорошо «вписывались» в идеологический фон перемен начала 1990-х гг. в СССР, приведших к крушению коммунистического режима в нашей стране. Показательной в данном отношении стала острая полемика В.Н. Земскова с А.В. Антоновым-Овсеенко и другими публицистами и очевидцами событий, отразившая конфликт двух исследовательских практик, апеллирующих к различным видам исторических источников.

Современный период отечественной историографии репрессий и потерь СССР в 1937–1945 гг. складывается с начала 1990-х гг. Выработка более достоверных оценок стала возможной благодаря снятию политической цензуры и идеологических табу, открытию архивов, рассекречиванию документов, свободной публикации ранее запрещенных авторов. В это время вышли фундаментальные труды, посвященные демографическим процессам в стране, потерям населения вследствие репрессий и Великой Отечественной войны¹. За последние двадцать лет исследователи серьезно продвинулись в изучении

---

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001 и др.

истории депортаций, спецпоселений, ГУЛАГа, «большого террора», отдельных видов потерь Великой Отечественной войны. Однако продолжающиеся дискуссии в средствах массовой информации о социализме, Сталине, репрессиях, цене победы в войне продолжают носить идеологически ангажированный характер.

Вторая глава **«Отечественная историография масштабов и форм политических репрессий в 1937–1941 гг.»** содержит анализ разработки исследователями проблемы демографических последствий репрессивной политики советского государства. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Общая оценка сталинских репрессий советскими и современными российскими исследователями»** анализируется разработка представлений о масштабе террора в СССР в эпоху сталинизма. Первые оценки сталинским репрессиям были даны непосредственно в публикациях советских руководителей и пропагандистов, обосновывавших необходимость борьбы с «врагами народа» и их физического уничтожения. Однако данные о планируемом масштабе удара по «врагам народа» и количестве подвергавшихся репрессиям граждан встречаются в этих работах в самом обобщающем виде, в них приводятся только ориентировочные цифры, в большинстве своем не отражавшие реальные события. К тому же официальные документы камуфлировали реальные причины карательных действий лозунгами борьбы с «врагами народа», «контрреволюционерами» и «оппозиционерами».

Существенные изменения в осмыслении проблемы репрессий произошли в период «оттепели», что было связано с началом критики «культ личности» Сталина. «Оттепель» ускорила массовую реабилитацию и освобождение из заключения граждан, осужденных по обвинениям в политических преступлениях, становившихся носителями новых знаний. Однако со второй половины 1960-х гг. разработка данной проблемы вновь оказалась под запретом.

Новый этап в развитии историографии репрессий начался с наступлением «перестройки». Существенное значение в осмыслении масштабов и форм

потерь населения играет выход ряда обобщающих и специальных исследований, издание материалов переписей всесоюзных населения 1937 г. и 1939 гг., а также подготовка книг Памяти погибших в годы Великой Отечественной войны и жертв политических репрессий. Широко изучалась история сталинских репрессий в отношении партийно-государственной и военной элиты, крестьянства, творческой интеллигенции, а также членов семей «изменников Родины». Проблемы политических репрессий и их демографических последствий получают отражение и в региональной историографии. Тем не менее, общие цифры сталинских репрессий продолжают вызывать дискуссии.

Второй параграф **«Осмысление феномена “большого террора” и его масштабов»** посвящен осмыслению в историографии главного пика политических репрессий в СССР, пришедшихся на 1937–1938 гг.

Изучение данного исторического явления складывалось достаточно не просто и берет начало в работах советских руководителей и пропагандистов конца 1930-х гг., а также в официальных партийных и советских документах, обосновывавших необходимость сурового наказания «врагов народа». В конце 1930-х – начале 1940-х гг. появились и первые критики «большого террора», в первую очередь среди эмигрантов из СССР (В.Г. Кривицкий, Ф.Ф. Раскольников, Л.Д. Троцкий и др.). Кардинальные изменения в осмыслении «большого террора» в СССР произошли в связи с «оттепелью». Но уже с середины 1960-х гг. из историографии исчезли всякие упоминания о нем и судьбах миллионов репрессированных. Только с началом «перестройки» внимание к событиям «большого террора» активизировалось.

В целом, историография «большого террора» существенно эволюционировала от первых пропагандистских работ к серьезным фундаментальным научным исследованиям, отличающимся академизмом и широким охватом материалов. В них названы достоверные масштабы политических репрессий в 1937–1938 гг., установлено количество репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора» (В.Б. Жиромская, И.В. Павлова,

О.В. Хлевнюк и др.). Большинство исследователей считает, что в эти годы по политическим мотивам было осуждено 1,3 млн чел., из них 680 тыс., или 50,7 %, расстреляно.

В.Н. Хаустов выделил несколько уровней проведенных репрессивных кампаний: против высшего эшелона власти; в отношении среднего звена руководителей; осуществление массовых операций. Он оценил события 1937 г. как апогей политических репрессий в связи с резким увеличением их масштабов, но полагал, что все явления «большого террора» в том или ином виде присутствовали и ранее в советской действительности¹. Значительное внимание в современной историографии уделяется репрессиям в РККА (В.З. Роговин, О.Ф. Сувениров и др.). В частности, широко дискутировался вопрос о влиянии германских документов о сотрудничестве осужденных советских военачальников с рейхсвером на возникновение и исход «дела военных».

Третий параграф носит название **«Изучение численности заключенных ГУЛАГа и спецпоселенцев»**.

К настоящему времени появилось значительное количество обобщающих и специальных исследований, вносящих существенный вклад в разработку рассматриваемой проблемы и ее отдельных аспектов. При этом в ряде работ, особенно вышедших в период «перестройки», ГУЛАГу придавалось расширительное значение, нередко под ним подразумевался весь репрессивный аппарат советской эпохи. Данное понятие стало своеобразным символом сталинских репрессий, что порой сопровождалось мифологизацией ГУЛАГа как института, существовавшего в контексте определенной исторической эпохи. Это вызвало необходимость локализации данного учреждения в его хронологических, содержательных и организационно-правовых рамках, тем более что они, как и само название, не раз менялись.

В изучении ГУЛАГа и спецпоселений в современной отечественной науке выделяются два главных подхода: исторический и юридический. Исто-

---

¹ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009 и др.

рики рассматривали в основном количество и состав заключенных, организацию и численность лагерей и спецпоселений, их месторасположение и экономическую роль в контексте советской репрессивной политики. Для представителей юридического направления характерен взгляд на ГУЛАГ как на систему исправительно-трудовых учреждений, где отбывали наказание в виде лишения свободы преимущественно уголовные преступники. Такой подход представляется неисторичным, существенно упрощающим представление о сложном и многомерном историческом явлении.

Достижением российской историографии последних лет стали научные издания, посвященные институциональным аспектам ГУЛАГа (Н.Ю. Белых, Г.М. Иванова, Н.В. Петров, О.В. Хлевнюк и др.), проблемам создания и функционирования системы спецпоселений (В.А. Бердинских, Л.П. Белковец, В.Н. Земсков, Н.М. Игнатова и др.). В них вводятся новые данные о численности заключенных и спецпоселенцев. Существенное значение для осмысления рассматриваемой проблемы вносят и региональные исследователи, раскрывающие функционирование отдельных «островов» «Архипелага ГУЛАГа» (Л.И. Гвозкова, О.П. Еланцева, В.М. Кириллов, Н.А. Морозов, Н.В. Упадышев и др.).

Третья глава **«Депортации народов СССР в работах советских и современных российских исследователей»** характеризует особенности формирования представлений о принудительных выселениях народов в 1937–1945 гг. и включает три параграфа.

Параграф первый **«Осмысление причины и характера этнических депортаций в СССР»** имеет обобщающий характер для анализа данных сюжетов. В советской историографии проблеме этнических депортаций уделялось недостаточно внимания, что объясняется как господствовавшими идеологическими стереотипами, так и недоступностью для исследователей большинства источников. Первые официальные оценки причин выселения содержались в советских государственных документах, определявших их проведение. Как правило, депортации оправдывались «государственной необходимо-

стью» или «изменой Родине» тех или иных народов в годы Великой Отечественной войны. Указанные положения нашли свое отражение и в отдельных публикациях пропагандистского характера.

Только в период «оттепели» принудительные выселения советских народов получили негативную оценку как «нарушения социалистической законности», а их проведение стали объяснять «преступной» деятельностью И.В. Сталина и Л.П. Берии. В национальной политике советского государства стали противопоставляться «сталинский» и «ленинский» подходы. В эти годы началась реабилитация репрессированных народов, не получившая, впрочем, своего завершения. С завершением «оттепели» интерес к проблеме снизился. Депортациям не было посвящено специальных разделов или статей в новых фундаментальных трудах и справочных изданиях по истории советского общества, Второй мировой и Великой Отечественной войн, а в обобщающих региональных работах о них, как правило, приводилась достаточно краткая информация.

Новый этап в развитии историографии депортаций советских народов начался уже в 1990-е гг. благодаря рассекречиванию архивных документов, общим переменами в жизни страны и самой исторической науки. Репрессиям в отношении советских народов были посвящены несколько международных, всероссийских и региональных конференций, опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в разработке рассматриваемой проблемы. Они активно обсуждались и на других научных форумах различного уровня. Первоначально отечественные историки повторяли высказанные зарубежными авторами и эмигрантами оценки депортаций времен «холодной войны», но постепенно в отечественной историографии стали складываться новые подходы к изучению депортаций советских народов. При этом причины и последствия депортаций продолжают дискутироваться. Большинство авторов связывает их с проявлениями тоталитарного режима, осуждая данные акции как противозаконные и негуманные (Н.Ф. Бугай, В.Н. Земсков, А.Д. Койчуев, П.М. Полян и др.). Отдельные ав-

торы обуславливают депортации необходимостью освоения северо-восточных районов страны, видят в них способ ускорить ассимиляционные процессы в СССР, переложить ответственность отдельных региональных руководителей за собственные просчеты на сами народы. В то же время в последние годы наметилась и противоположная тенденция фактического оправдания депортаций, особенно в период Великой Отечественной войны.

В двух других параграфах рассматривается историография проведения отдельных депортационных кампаний и их демографических последствий – довоенного и военного времени. Параграф второй **«Этнические депортации 1937–1941 гг. и их значение в оценках отечественных исследователей»** посвящен историографии довоенных выселений народов в СССР.

Российские исследователи обращают внимание на то, что в различные исторические эпохи депортационные меры применялись для решения тех или иных политических или социально-экономических задач. Принудительное переселение народов и этнических групп широко использовалось и правительствами различных государств в годы Второй мировой войны. В историографии отмечается, что первыми жертвами массовых выселений в Советской России стали казаки, воспринимавшиеся большевиками как их политические противники. В начале 1930-х гг. в ходе сплошной коллективизации миллионы крестьян депортировались в дальние, неосвоенные районы страны.

Ввод в научный оборот рассекреченных документов органов НКВД – МГБ – МВД СССР и других архивных материалов позволил исследователям определить проследить порядок выселения финнов, поляков, немцев, курдов, корейцев, греков и некоторых других народов во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., выяснить их численность (Н.Ф. Бугай, И.Г. Джуха, В.Н. Земсков, П.М. Полян и др.). Существующие разногласия во многом определяются использованием различными исследователями разных документов, нередко исходивших от одних и тех же инстанций, но отличавшихся по срокам и, соответственно, содержавших разные количественные данные.

Исследователи также спорят о количестве депортационных операций и численности выселенных народов. Так, остро дебатировались вопросы о том, какие именно принудительные перемещения населения с территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики считать депортациями, а какие нет, поскольку факт насильственности в них отсутствовал (О.А. Горланов и А.Б. Рогинский, А.Э. Гурьянов, Е.Ю. Зубкова, В.С. Парсиданова и др.). Значительные разногласия вызывают и масштабы выселения бывших польских граждан. При этом различия в подходах объясняются не только разными методиками подсчетов, но и политизацией рассматриваемой проблемы. В данной связи актуальной представляется дальнейшая разработка так называемой «польской проблемы», часто превращающейся в предмет политического давления на межгосударственном уровне.

Параграф третий **«Принудительное выселение народов СССР в 1941–1945 гг. и его итоги: проблемы изучения»** содержит анализ историографии наиболее крупных депортационных кампаний времен Великой Отечественной войны.

В современной историографии в научный оборот введен значительный пласт документов и материалов, позволивший определить масштабы принудительных переселений народов и национальных групп в 1941–1945 гг. (Н.Ф. Бугай, В.Н. Земсков, Р.Р. Баев и А.Е. Епифанов, А.М. Гонов и др.). В начале Великой Отечественной войны в СССР принудительному выселению подверглись компактно проживавшие национальные группы, рассматривавшиеся в качестве возможной «пятой колонны» в советском тылу. Исследователи раскрывают ход и масштабы выселения немцев (Л.П. Белковец, А.А. Герман, А.Н. Кичихин, А.Н. Курочкин, А.А. Шадт, В.Г. Чеботарева и др.), других народов, страны которых входили в фашистскую коалицию. После освобождения советской территории от нацистской оккупации в 1943–1944 гг. по обвинению в сотрудничестве с противником бессрочной высылке в Казахстан и Среднюю Азию подвергся ряд народов юга страны. Широкое внимание в историографии уделяется депортациям карачаевцев и балкарцев

(А.Э. Аджиева, А.Д. Койчуев, Х.-М. А. Сабанчиев, Р.С. Тебуев, А.С. Хунагов, Д.В. Шабаев и др.), калмыков (К.Н. Максимов, В.Б. и К.В. Убушаевы и др.), чеченцев и ингушей (Р.С. Агиев, Л.Я. Арапханова и др.), крымских татар, турок-месхетинцев, понтийских греков, корейцев. Уже по завершению войны в августе-сентябре 1945 г. из Маньчжурии депортировали китайцев, японцев и русских эмигрантов. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. выселению подвергались жители Прибалтики и Западной Украины за содействие участникам антисоветского сопротивления.

В целом, по разным подсчетам жертвами принудительных переселений в 1937–1945 гг. стали от 3,5 до 6 млн чел. Историки доказывают, что в результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Этнические депортации рассматриваются в современной историографии как одна из наиболее массовых форм репрессий в СССР. В последние годы появились специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов, раскрывающие противоречия в ее проведении. В то же время акцентирование внимания на действительной трагедии народов нередко выступает средством этнической мобилизации в решении тех или иных сиюминутных политических задач.

Четвертая глава **«Оценка демографических последствий Великой Отечественной войны в советской и современной российской историографии»** характеризует осмысление исследователями цены Победы в войне и состоит из трех параграфов.

Первый параграф **«Динамика представлений о масштабе и причинах советских потерь в 1941–1945 гг.»** содержит анализ изменений в оценках демографических последствий Великой Отечественной войны. На разных этапах развития историографии вопрос о потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических и идеологических противоборств. В советский период итоги войны не раз использовались в качестве аргументов в споре с зарубежными авторами об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя. В условиях современ-

ной России обращение к опыту прошлого продолжает носить политизированный характер.

В советской историографии фактически скрывались данные о потерях СССР в Великой Отечественной войне, использовались прямые фальсификации данного вопроса, в то же время откровенно завышались сведения о численности погибших военнослужащих и мирных граждан Германии. Динамика оценок масштаба советских потерь была прямо связана с изменениями политического курса. О высоком общественно-политическом статусе рассматриваемой проблемы свидетельствует уже то, что новые общие данные о цене Победы приводили в своих выступлениях руководители страны. Так, в течение первых пятнадцати послевоенных лет в советской историографии использовалась цифра в 7 млн погибших, впервые названная И.В. Сталиным в 1946 г. Н.С. Хрущев в 1961 г. указал 20 млн советских граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны, и впервые поставил вопрос об ответственности И.В. Сталина за столь высокую цену победы в Великой Отечественной войне. Следующую цифру общих потерь – 27 млн чел. – привел уже М.С. Горбачев. В силу идеологизации проблемы в работах советских исследователей не получили соответствующей разработки вопросы структуры потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны, численности военнопленных РККА, «восточных рабочих», а также репатриантов. Данные сюжеты оставались маргинальными направлениями исследований в советской исторической науке на протяжении всего ее существования.

В современной историографии появилась возможность выявить истинные масштабы потерь в предвоенный и военный период, раскрыть структуру потерь и их виды (безвозвратные, боевые и небоевые, санитарные). В комплексном статистическом исследовании, проведенном коллективом военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне определены в 26,6 млн чел., а общие безвозвратные военные потери – в 11,3 млн. чел. Существенный вклад в разработку данной проблемы вносят и другие исследо-

ватели (С.Н. Михалев, А.В. Толмачева, А.А. Шабает и др.). Наряду с официальными данными появилось значительное количество альтернативных публикаций, предлагающих иные оценки общих людских потерь СССР во время Великой Отечественной войны (Б.В. Соколов, В.Г. Первышин и др.). Амплитуда в оценках потерь основных противоборствующих сторон в 1941–1945 гг. (советские потери оцениваются от 26 до 50 млн чел.) порой достигает десятков миллионов человек, свидетельствуя о необходимости продолжения исследования вопроса о демографических последствиях Великой Отечественной войны.

В следующем параграфе **«Демографические последствия оккупации противником территорий СССР и трагедия военнопленных в работах советских и российских историков»** рассматривается формирование представлений о потерях среди мирного советского населения, военнослужащих Красной армии и Военно-морского флота, оказавшихся в немецком плену. Необходимость осмысления указанных сюжетов в историографии была обоснована такой характерной особенностью Второй мировой войны, как изменение самой структуры людских потерь, существенным возрастанием жертв среди гражданского населения стран-участниц войны в общем количестве потерь военного времени. Особенно огромные жертвы понесло население СССР, что во многом объясняется жестокой политикой оккупантов.

Первоначальное обращение к вопросам потерь среди советского гражданского населения в период нацистской оккупации, а также трагическим судьбам военнопленных пришлось непосредственно на военные годы и носило откровенно пропагандистский характер. Публикации на данную тему были призваны возбудить ненависть к жестокому противнику. В дальнейшем их разработка продолжала испытывать значительное влияние идеологии. Именно с этим во многом было связано отсутствие в историографии специальных исследований и точных данных о численности таких групп, как «восточные рабочие» и военнопленные. Только в современной историографии указанные вопросы стали привлекать широкое внимание исследователей. Его

вызвали как непосредственно научные, так и сугубо практические обстоятельства: изменение российской социально-политической ситуации и активная позиция немецкой стороны в вопросе о компенсационных выплатах бывшим работникам системы принудительного труда в нацистской Германии. Современные исследователи (В.Н. Земсков, П.М. Полян, Л.Л. Рыбаковский, А.А. Шевяков и др.) приводят обобщающие данные по указанным вопросам, но в их изучении остается еще немало неизвестных аспектов.

Военные исследователи оценили общие потери гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне в 13,7 млн чел., в том числе 7,4 млн чел., преднамеренно истребленных оккупантами на захваченной территории, 4,1 млн чел., умерших и погибших от жестоких условий оккупационного режима, 2,1 млн чел., погибших на принудительных работах в Германии (из 5,3 млн «остовцев»). В плену находилось 4,6 млн советских военнопленных, из которых вернулось на Родину только 1,8 млн чел.¹ Однако мирное население несло также большие потери от боевых действий в прифронтовых районах, блокадных и осажденных городах. Полные статистические данные по рассматриваемым видам потерь гражданского населения, а также гибели военнопленных, в первую очередь, при транспортировке, отсутствуют. Уточнению количества данных видов жертв военного времени будет способствовать продолжение исследований в указанном направлении, как на общесоюзных, так и на региональных материалах.

Третий параграф **«Становление отечественной историографии холокоста и проблемы определения численности его жертв»** посвящен сравнительно новому самостоятельному исследовательскому направлению в современной российской науке. В советской историографии практически отсутствовали специальные работы об уничтожении евреев в годы Великой Отечественной войны. Публикация сведений на данную тему нередко зависела от очередных поворотов советской внешней политики. В последние годы появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих холокост на

---

¹ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 230–231, 461–463.

основе рассекреченных архивных документах, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Меры секретности при реализации «окончательного решения» судьбы еврейского народа, недостаток статистических данных, а также многолетнее замалчивание холокоста в СССР усложняют уточнение его потерь.

Развитие отечественной историографии холокоста позволило определить масштабы еврейской трагедии в СССР в годы Великой Отечественной войны (И.А. Альтман, М.С. Куповецкий и др.). Обращает на себя внимание, что изучение Холокоста в России было и остается одной из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Отрицание холокоста является составной частью идеологии современного экстремизма, представляя серьезную опасность для развития гражданского общества в России. Его широкое распространение является следствием не только длительного замалчивания и недостаточной разработанности проблемы, но и современных «болезней роста» самого российского общества. Преодолению указанных тенденций способствует осмысление проблемы холокоста как наднациональной, общемировой трагедии, выработка в историографии и в историческом сознании современного общества понимания того, что уничтожение евреев представляло собой составную часть общих нацистских планов преобразования мира и их реализации на оккупированной советской территории.

Перспективной задачей российских исследователей остается разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, коллаборационистов, роли местного населения. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

Заключение подводит итоги и содержит основные выводы исследования. Советскими и современными российскими историками проделана большая работа по изучению масштаба и форм потерь и репрессий в СССР в 1937–1945 гг. Особенно значителен вклад, внесенный современными российскими исследователями в ликвидацию «белых пятен» в истории демографических потерь советского населения. В немалой степени этому способствовало введение в научный оборот новых комплексов рассекреченных документов в 1990–2000-е гг. Существенное значение имеет и появление новых форм презентации исторических знаний, активизация деятельности в данном направлении не только профессиональных историков, но и общественных организаций. Однако на разработку рассматриваемой проблемы всегда влияла и продолжает влиять идеологическая и политическая конъюнктура.

В настоящее время возможности в развитии историографии проблемы путем расширения ее источниковой базы ограничены. Вследствие этого перспективы в изучении проблемы репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. тесно связаны с обновлением и углублением теоретико-методологического анализа и ее дальнейшей концептуализации. Необходим органичный синтез используемых в настоящее время подходов, совершенствование применяемых расчетных методик и самой терминологии рассматриваемой, а также междисциплинарное по своей сути соединение усилий различных специалистов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии, сборники научных статей, брошюры:

1. *Кропачев, С. А.* Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х годов / С. А. Кропачев. – Краснодар: Типография администрации края, 1993. – 116 с. (7,2 п.л.).

2. *Кропачев, С. А.* Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной истории и историографии середины 1930–1940-х годов. Сб. науч. ст. / С. А. Кропачев. – Краснодар: Экоинвест, 2006. – 132 с. (8,3 п.л.).

3. *Кропачев, С. А.* Масштабы демографических потерь СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов. Проблемы отечественной истории и историографии: сб. науч. ст. / С. А. Кропачев. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – 296 с. (17,21 п.л.).

4. *Кропачев, С. А.* От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. Монография / С. А. Кропачев. – СПб.: Алетейя, 2011. – 192 с. (12,5 п.л.).

**Статьи, опубликованные в периодических изданиях,
рекомендуемых ВАК:**

5. *Кропачев, С. А.* Людские потери СССР и Германии в 1941–1945 гг. в зеркале отечественной демографии и историографии / С. А. Кропачев // Человек. Сообщество. Управление. Актуальные проблемы исторической науки. – Приложение. – 2006. – С. 44–54. (1 п.л.).

6. *Кропачев, С. А.* Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» / С. А. Кропачев // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 206–213 (0,5 п.л.).

7. *Кропачев, С. А.* Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах / С. А. Кропачев // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 166–172. (0,4 п.л.).

8. *Кропачев, С. А.* Отечественная литература военных и послевоенных лет о потерях СССР в 1941–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3 (1). – С. 56–59 (0,3 п.л.).

9. *Кропачев, С. А.* Политические репрессии на Кубани в 1930–1940-е годы / С. А. Кропачев // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 4 (38). – С. 47–51 (0,5 п.л.).

10. *Кропачев, С. А.* Дворянин. Ученый. Патриот / С. А. Кропачев // Надежность и безопасность энергетики. – 2010. – № 3 (10). – С. 70–71 (0,2 п.л.).

11. *Кропачев, С. А.* «Большой террор» и его жертвы в зеркале советской пропаганды 1937–1938 годов / С. А. Кропачев // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 116–124 (0,5 п.л.).

12. *Кропачев, С. А.* Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий / С. А. Кропачев // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – Вып. 2 (80). – С. 70 – 83 (0,5 п.л.).

13. *Кропачев, С. А.* Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой отечественной войны / С.А. Кропачев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 23 (238). История. Вып. 47. – С. 100 – 103 (0,5 п.л.).

14. *Кропачев, С. А.* Становление отечественной историографии холокоста и проблемы определения численности его жертв / С.А. Кропачев // Вестник ИНЖЭКОНА. Серия: Гуманитарные науки. Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет. – 2011. – Вып. 4 (47). – С. 277 – 283 (0,6 п.л.).

Статьи:

15. *Кропачев С.А.* О судьбах заключенных, этапированных из Краснодара в начале августа 1942 г. / С.А. Кропачев // Краснодару – 200 лет. Тезисы краевой науч.-практ. конф. – Краснодар: Типография администрации края. 1993. – С. 65–66. (0,15 п.л.)

16. *Кропачев С.А.* Большой террор на Кубани / С.А. Кропачев // Юго-полис. – 1993. – № 3. – С. 29–31. (0,5 п.л.)

17. *Кропачев С.А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: экономический аспект / С.А. Кропачев // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. – Краснодар: Издат. дом «Краснодарские известия», 1996. – С. 82–84. (0,5 п.л.)

18. *Кропачев С.А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии / С.А. Кропачев // Книга жертв незаконных политических репрессий Ставропольского края. – Т. 9. – Ставрополь: Типография администрации Ставропольского края, 1999. – С. 50–59. (2 п.л.)

19. *Кропачев С.А.* Проблемы подготовки краевой Книги памяти жертв политических репрессий / С.А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы I регион. науч. конф. – Краснодар: ООО «Вольные мастера», 2003. – С. 4–9. (0,6 п.л.)

20. *Кропачев С.А.* Книга памяти жертв политических репрессий Краснодарского края: история создания / С.А. Кропачев // Мир после ГУЛАГА: реабилитация и культура памяти. Второй междунаро. симпозиум памяти В.В. Иофе. – СПб.: Издательство «НОРД-ВЕСТ», 2004. – С. 82–87. (0,4 п.л.)

21. *Кропачев С.А.* Массовые политические репрессии в СССР накануне Великой Отечественной войны / С.А. Кропачев // Голос минувшего. – 2005. – № 1–2. – С. 27–36. (1 п.л.)

22. *Кропачев С.А.* (в соавт.) IV Всероссийская научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР» / Е.Ф. Кринко, С.А. Кропачев // Гуманитарная мысль Юга России. – 2006. – № 1. – С. 182–188. (0,4 п.л.)

23. *Кропачев С.А.* Политические репрессии в СССР (1937–1938 гг.): причины, масштабы, последствия / С.А. Кропачев // Гуманитарная мысль Юга России. – 2006. – № 2 (03). – С. 69–86. (1,5 п.л.)

24. *Кропачев С.А.* О масштабах политических репрессий в 1937–1938 гг. / С.А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в

СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всерос. науч. конф. Краснодар: ООО Компания «Волонтер», 2006. – С. 15–26. (1 п.л.)

25. *Кропачев С.А.* Отечественная историография о людских потерях СССР и Германии в годы Великой Отечественной войны / С.А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: материалы IV Всерос. науч. конф. – Краснодар: Издательство «Экоинвест». 2006. – С. 7–41. (1 п.л.)

26. *Кропачев С.А.* Научная конференция о «Большом терроре» в Париже / С.А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: материалы V Всерос. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2008. – С. 10–28. (1,5 п.л.)

27. *Кропачев С.А.* Политические репрессии в Краснодарском крае в 1930–1940-е годы / С.А. Кропачев // Проблемы массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: материалы V Всерос. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2008. – С. 183–194. (0,9 п.л.)

28. *Кропачев С.А.* Новейшая российская историография о масштабах «большого террора» в СССР / С. А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международ. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 80–93. (1,1 п.л.)

29. *Кропачев С.А.* Отечественные публикации военных и послевоенных лет о потерях СССР в 1941–1945гг. / С.А. Кропачев // Меценатство, благотворительность, предпринимательство и социальная политика государства (традиции и современность): материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Киров: Издат. центр КФ МУГУ-МФЮА, 2010. – С. 100–104. (0,3 п.л.)

30. *Kropachev S.* Recent Russian Historical Studies into the Scale of Political Repressions in 1937–1938 / *S. Kropachev* // Social Sciences. – Minneapolis, USA, 2010. – Vol. 41. № 3. – С. 52–60 (на англ. яз.). (0,4 п.л.)

31. *Кропачев С.А.* Судьба профессора В.И. Гриневецкого / С.А. Кропачев // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года: материалы VI Международ. науч. конф. – Краснодар: Экоинвест, 2010. – С. 345–351. (0,5 п.л.)

32. *Кропачев С.А.* Эволюция официальной отечественной историографии о потерях СССР и Германии в Великой Отечественной войне / С.А. Кропачев // Военно-исторический архив. – 2010. – № 1 (121). – С. 164–191. (1,2 п.л.)

33. *Кропачев С.А.* Массовые политические репрессии СССР 1937–1938 годов: причины, масштабы, последствия / С.А. Кропачев // Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. – Краснодар: Диапазон-В, 2010. – Т. 3. – С. 356–366. (0,7 п.л.)

34. *Кропачев С.А.* Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны / С.А. Кропачев // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 56–60. (0,4 п.л.)

Учебные и учебно-методические пособия:

35. *Кропачев С.А.* (в соавт.). Основные проблемы истории Великой Отечественной войны и битвы за Кавказ: Методические указания / С.А. Кропачев, В.И. Черный. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1985. – 66 с. (3,8 п.л., авт. 1,9 п.л.)

36. *Кропачев С.А.* История советского общества. Факты. Проблемы. Люди: Материалы к изучению / С.А. Кропачев. – Ч. 2. 1929–1953 гг. – Вып. 1. – Краснодар: Головная типография ТАПО управления печати и массовой информации Краснодар. крайисполкома, 1991. – 130 с. (8 п.л.)

37. *Кропачев С.А.* История советского общества. Факты. Проблемы. Люди: Материалы к изучению / С.А. Кропачев. – Ч. 2. 1929–1953 гг. – Вып. 2. –

Краснодар: Головная типография ТАПО управления печати и массовой информации Краснодар. крайисполкома, 1991. – 137 с. (8,75 п.л.)

38. *Кропачев С.А.* (в соавт.). История советского общества. Факты. Проблемы. Люди: Материалы к изучению / / С.А. Кропачев, В.Н. Петров, Ю.А. Болдырев. – Ч. 3. 1953–1990 гг. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1991. – 139 с. (8 п.л., авт. 2,6 п.л.)

39. *Кропачев С.А.* Хронология: четверть века советской истории. Приложение к истории советского общества. Факты. Проблемы. Люди: Материалы к изучению / С.А. Кропачев. – Ч. 2. 1929–1953 гг. – Краснодар: Головная типография ТАПО управления печати и массовой информации Краснодар. крайисполкома, 1991. – 105 с. (7 п.л.)

40. *Кропачев С.А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии / С.А. Кропачев. – Ч. 1. 1917–1940 гг. – Краснодар: Изд-во «Экоинвест», 1995. 62 с. (4,3 п.л.)

41. *Кропачев С.А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии / С.А. Кропачев. – Ч. 2. 1941–1953 гг. – Краснодар: Изд-во «Экоинвест», 1998. 39 с. (2,5 п.л.)

42. *Кропачев С.А.* (в соавт.). История Кубани XX век: Очерки // А.М. Авраменко, А.В. Баранов, А.А. Зайцев, С.А. Кропачев и др. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 1998. – 221 с. (11,76 п.л.)

43. *Кропачев С.А.* «Большой террор» на Кубани // История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учебник для высших учебных заведений / А.В. Баранов, А.А. Зайцев, С.А. Кропачев, В.Н. Ратушняк и др. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. – С. 245–253. (1,5 п.л.)

Автореферат
Кропачева Сергея Александровича

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МАСШТАБОВ И ФОРМ
РЕПРЕССИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ СССР
В 1937–1945 ГОДАХ**

Подписано в печать 18.11.2011.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать трафаретная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,14.
Тираж 120 экз. Заказ № 1427.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел. (861) 277-92-42. E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

10^2